Моя Аннетт

Вкус соли и розмарина

Моя Аннетт
Вкус соли и розмарина

https://litres.ru/74928878

Аннотация

Думаете, ваш день не задался? А как вам такое: мой муж уволил меня прямо на открытии нашего флагманского ресторана. При всех. Под вспышки камер и звон бокалов с брютом, который внезапно стал на вкус как пепел.

ВАЖНО: Мини-роман будет доступен БЕСПЛАТНО только первые 2 дня после публикации! Успейте прочитать историю до перехода в платный статус.

ПОДПИШИСЬ, чтобы не пропустить выход новых глав, горячие новинки и эксклюзивные бонусы.

Марк — гений, визионер и… законченный нарцисс. Он решил, что я — «устаревший интерфейс», который пора заменить на розоволосую стажерку. В итоге: счета заблокированы, квартира в Сити опечатана, а я стою под ливнем со сломанным каблуком.

Единственное, что мой бывший забыл отобрать (просто счел мусором) — старый, ржавый фудтрак в глухом дворе Замоскворечья.

Теперь мой мир пахнет не дорогим парфюмом, а чесноком и мокрым асфальтом. А моим соседом оказался Ян — хмурый, татуированный повар с разводным ключом в одной руке и

лучшим кофе в городе в другой. Он называет меня «стеклянной принцессой» и ждет, когда я сбегу обратно в свои небоскребы.

Марк думает, что я уничтожена. Ян думает, что я сломаюсь. Оба ошибаются. Я отмою этот фургон, научусь держать нож и подам свою месть горячей. С веточкой розмарина.

В тексте вас ждут: Наглый и расчетливый бывший (получит по заслугам!) Мужчина — «зеленый флаг», который умеет защищать и готовить Атмосфера старой Москвы и очень вкусные описания еды Героиня, которая учится жить с нуля и не теряет чувства юмора ❤# Истинные чувства и обязательный Хэппи-энд!

История о том, что иногда нужно потерять всё, чтобы найти себя и настоящую любовь.

Содержание

Глава 1. Брют со вкусом пепла 5
Глава 2. Ржавчина и розмарин 12
Глава 3. Кухонная дипломатия 20
Глава 4. Точка невозврата 27
Глава 5. Горький шоколад 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Глава 1. Брют со вкусом пепла

Вспышки фотокамер слепили до рези в глазах, но я продолжала улыбаться. Моя «фирменная» улыбка номер три: уверенная, сияющая, но с легкой ноткой аристократичной сдержанности. Сегодня всё должно быть безупречно. Нет, слово «безупречно» слишком слабое для открытия флагманского ресторана сети «Gold &Truffle». Сегодня всё должно было стать легендарным.

Я чувствовала, как по спине холодит тяжелый шелк вечернего платья цвета «ночного океана». Корсет впивался в ребра так сильно, что каждый вдох казался роскошью, доступной только по подписке. «Держи спину, Лера, — повторяла я себе. — Ты — лицо этой империи. Ты — та, кто превратила амбиции Марка из влажных фантазий в золотую антилопу».

В зале пахло так, как пахнет настоящий успех: смесью тяжелых, одуряюще сладких лилий, дорогих мужских парфюмов с нотками выделанной кожи и свежеоткрытых устриц на ледяной подушке. Официанты в безупречно белых перчатках скользили между гостями, а пузырьки винтажного брюта в хрустальных бокалах казались мне крошечными бриллиантами, стремящимися вверх. На вкус это шампанское сегодня было странным — пузырьки кололись, оставляя на языке металлический привкус, будто я жую фольгу.

— Валерия, это просто разрыв! — ко мне подплыла Ило-

на, хозяйка самого пафосного рекламного агентства в городе. Она прикоснулась своими ледяными пальцами к моему локтю. — Этот интерьер… этот вайб. Ты превзошла саму себя. Как тебе удалось уговорить Марка на этот «бетонный минимализм»?

Я выдавила мягкий смех, поправляя невидимую прядь. — Марка не нужно уговаривать на хорошие идеи, Илона. Он чувствует тренды кожей. Мы просто хотели создать пространство, где еда — это искусство, а не просто способ забить желудок.

— Вы — идеальная пара, — вздохнула Илона, и в её глазах мелькнула тень искренней зависти. — Настоящий «power couple». Иногда мне кажется, что вы даже спите по графику, чтобы не терять продуктивность.

Если бы она знала, что последние три недели мы с Марком общались исключительно через секретарей и сухие сообщения в мессенджерах. Мой внутренний контрол-фрик был на грани нервного срыва, а Марк… Марк просто самоустранился, заявив, что «полностью доверяет моему вкусу». Теперь я понимала, что это было не доверие. Это была подготовка к прыжку.

Я заметила Марка у барной стойки. Он стоял в окружении инвесторов — высокая, подтянутая фигура в костюме-тройке, сшитом на заказ в Лондоне. Он смеялся, и этот его смех, глубокий и чуть хрипловатый, обычно действовал на меня как транквилизатор. Но сегодня внутри что-то свербило. Ка-

кой-то подсознательный триггер, заставляющий волосы на затылке вставать дыбом.

— Марк, — я подошла и мягко коснулась его плеча. — Пора начинать официальную часть. Все ждут твоего тоста.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по мне, как по предмету мебели. Без тепла. Без того привычного огня, который я привыкла видеть. Холодный, расчетливый блеск. — Да, Валерия. Ты права. Пора заканчивать эту прелюдию.

Он взял микрофон и легко взлетел на небольшую подиумную площадку в центре зала. Музыка притихла. Гул голосов сменился почтительной тишиной. Я встала чуть сбоку, готовая разделить с ним этот триумф, как делала сотни раз до этого.

— Друзья, — голос Марка, усиленный динамиками, звучал по-королевски уверенно. — Спасибо, что разделили с нами этот вечер. «Gold &Truffle» — это проект, в который было вложено много сил. Но бизнес, как и жизнь, не терпит застоя. Чтобы расти, нужно уметь отсекать лишнее. Даже если это «лишнее» долгое время было частью системы.

Я почувствовала, как по спине поползли липкие мурашки. «Отсекать лишнее»? Что за странный выбор слов для праздничного открытия? Запах лилий в зале внезапно стал удушающим, напоминая о похоронных венках.

— Сегодня я хочу объявить о глобальном ребрендинге нашей сети. Мы уходим от тяжелого люкса в сторону цифровой эстетики и новой искренности. И я рад представить

вам человека, который возглавит этот процесс. Встречайте — Стелла, наш новый креативный директор.

В зал, под ритмичный бит, вошла девушка. Она выглядела как ожившая картинка из соцсетей: розовые волосы, короткое платье-комбинация и дерзкая, почти хамская улыбка. Стелла. Та самая стажерка, которую Марк нанял неделю назад «для свежего взгляда».

— Стелла приносит в наш бизнес ту энергию, которой нам так не хватало, — продолжал Марк, и я видела, как он смотрит на неё. Это был взгляд владельца, который приобрел новую, чертовски дорогую игрушку. — И в связи с этим, я принял решение о полной оптимизации структуры. Валерия, — он наконец посмотрел прямо на меня, и в его глазах я прочитала свой приговор. — Спасибо за твой вклад. Но твой стиль… он немного устарел. Ты слишком «олдскул» для будущего, которое мы строим. Наши юристы уже подготовили документы. В связи с пунктом 8.4 твоего контракта — о несоответствии корпоративным ценностям — твои полномочия прекращены. И твоя доля в бизнесе аннулирована.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как кондиционеры гоняют холодный воздух. Я стояла, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Марк? — мой голос прозвучал чужим, надтреснутым. — Что это за кринж? Мы не обсуждали это на совете… Какой еще пункт? Мы женаты!

— Совета больше нет, Лера, — он подошел ближе, и я почувствовала запах его парфюма — дорогого, с нотами уда и

пепла. — Я выкупил доли остальных инвесторов в прошлый четверг. Теперь я здесь единственный закон. А что касается брака… Мои адвокаты свяжутся с тобой утром. Твои вещи уже собраны и вывезены из квартиры.

— Ты не можешь… — я сделала шаг к нему, но двое охранников в черных костюмах преградили путь.

— Я могу всё, дорогая. Ты была отличным инструментом, но инструменты иногда изнашиваются. Не устраивай факап на глазах у прессы. Выйди красиво.

Я смотрела на него и не узнавала. Человек, с которым я делила постель и планы на жизнь, исчез. Перед собой я видела расчетливого нарцисса, который только что списал амортизированное оборудование.

Я развернулась. Гордость — это единственное, что не входило в контракт, и я вцепилась в неё мертвой хваткой. Я шла через зал, мимо людей, которые еще пять минут назад заискивающе заглядывали мне в глаза. Теперь они отводили взгляды, прячась за бокалами шампанского.

Я вытолкнула тяжелые стеклянные двери и оказалась на улице. Москва-Сити встретила меня ледяным шквалом. Огромные небоскребы уходили вершинами в низкие, свинцовые тучи. Дождь начался внезапно — тяжелый, злой.

Мои лодочки на тонкой подошве моментально промокли, скользя по мокрому граниту. Я шла, не разбирая дороги, пока не уперлась в парапет набережной. Холодный ветер бил в лицо, размазывая тушь.

«У меня ничего нет», — эта мысль пульсировала в висках. Счета заблокированы, квартиры больше нет. Друзья? Те, кто был в зале, уже вычеркнули меня из списков.

Я сунула руку в крошечный клатч. Телефон, помада и… во внутреннем кармашке, за потайной молнией, пальцы наткнулись на холодный металл. Старый, потертый латунный ключ с брелоком в виде веточки розмарина.

Мой талисман. Ключ от маминого «безумного проекта».

Три года назад она купила этот фургон, мечтая о мобильной кофейне. Я тогда только начинала работать с Марком и считала это полным провалом, нелепым факапом. Когда мама уехала жить к морю, она оставила мне ключи «на удачу». Я заперла этот фургон на территории старого склада в Замоскворечье, напрочь о нем забыв. Марк даже не знал о его существовании — я стеснялась этого «наследства» перед своими пафосными друзьями.

Я посмотрела на свои промокшие ноги в дорогущих туфлях, которые теперь были бесполезны. Мой телефон разрывался от уведомлений: «Ваша карта заблокирована», «Доступ к корпоративной почте ограничен».

Мне нужно было где-то переночевать. Денег в кошельке хватило только на такси и на койку в самом дешевом хостеле, который выдал поисковик.

Когда я зашла в общую комнату на восемь человек, пропахшую хлоркой и чужими кроссовками, я почувствовала, что достигла дна. Я стянула мокрое платье, оставшись в од-

ном белье, и залезла под тонкое, колючее одеяло на верхней полке двухъярусной кровати. Вокруг шуршали, храпели и переговаривались чужие люди.

Я сжала в кулаке латунный ключ. Завтра. Завтра я поеду в Замоскворечье.

Единственное имущество, которое этот нарцисс не смог отнять, потому что просто о нем забыл — это старый, ржавый фудтрак, припаркованный в глубине старого двора.

Я закрыла глаза, засыпая под шум дождя и тяжелые вздохи соседа снизу. Завтра начнется моя война. И розмарин в этом переулке будет пахнуть не поражением, а местью.

Глава 2. Ржавчина и розмарин

Просыпаться в хостеле — это отдельный вид изощренной пытки, о котором не пишут в глянцевых гидах по «новой искренности».

В шесть утра меня разбудил не аромат свежесваренного рафа на кокосовом молоке и не ласковое солнце, заливающее панорамную спальню в Сити. Меня разбудил настойчивый, ритмичный храп соседа по комнате — парня с огромным рюкзаком, который вчера вечером пытался угостить меня растворимой лапшой. В комнате пахло дешевым хлорным порошком, чьими-то несвежими носками и безнадегой.

Я лежала на верхней полке двухъярусной кровати, глядя в пятнистый потолок, и пыталась осознать: это не кошмар. Это мой новый «вайб». Общая ванная, очередь к раковине, где кто-то уже полчаса старательно чистит зубы, и зеркало в трещинах, которое любезно сообщило мне, что я выгляжу как панда, пережившая апокалипсис. Вчерашняя тушь размазалась по лицу, а шелковое платье, теперь безнадежно мятое и покрытое пятнами дождя, выглядело на фоне этого интерьера как злая насмешка.

— Девушка, вы скоро? — в дверь ванной нетерпеливо постучали. — Тут вообще-то очередь!

Я плеснула в лицо ледяной водой. Кожу стянуло, но это помогло. Внутри, где-то под ребрами, вместо привычного

контроля и планов на квартал, ворочалось что-то колючее. Злость. Холодная, чистая злость на Марка и на саму себя за то, что была такой непроходимой дурой.

Выйдя из хостела, я поняла, что вчерашний ливень не прошел даром. Москва была серой, умытой и непривычно тихой. Я хромала в сторону метро, чувствуя, как сломанный каблук на правой туфле впивается в пятку при каждом шаге. На мне всё еще было то самое платье, которое я попыталась хоть немного расправить, и тонкий плащ. Выглядела я, мягко говоря, как «сбитый летчик» высшего общества, пытающийся сохранить лицо при полном отсутствии парашюта.

Замоскворечье встретило меня запахом мокрого асфальта и старых лип. Здесь время текло иначе. Кривые переулки, низкие дома с лепниной, уютные дворики, спрятанные за коваными решетками. Совсем не тот ритм, к которому я привыкла. В Сити ты летишь, здесь — ты замедляешься, хочешь того или нет.

Я дошла до забора старой базы. Днем всё выглядело еще более депрессивным: горы строительного мусора, ржавые контейнеры и мой бирюзовый фудтрак, который при свете солнца казался просто грудой металлолома.

— Привет, «Старик», — прошептала я, подходя к нему.

Ржавчина на бортах напоминала кровоподтеки. Надпись «У мамы вкусно» была едва различима под слоем копоти. Но когда я коснулась холодного металла, по пальцам пробежал ток. Это было единственное осязаемое, что осталось от мо-

ей семьи. От мамы, которая сейчас грелась где-то на юге, не подозревая, что её «успешная» дочь ночует в хостеле.

Я достала ключ-талисман. Вставила в скважину. — Ну же, не подводи...

Замок не поддавался. Видимо, годы забвения превратили механизм в монолит. Я дергала ручку, налегала плечом, ругалась сквозь зубы. Мой идеальный маникюр окончательно сдался — два ногтя сломались под корень, оставив на пальцах болезненные заусенцы.

— Да открывайся ты, чертово корыто! — выкрикнула я, дернув дверь со всей дури.

В этот момент нога, обутая в лодочку с вывернутым каблуком, предательски поехала на скользком пятне масла или грязи. Я охнула, чувствуя, как лечу спиной прямо в кучу какого-то строительного хлама. Перед глазами пронеслось всё: и Марк со своей Стеллой, и годовые отчеты, и моё позорное падение в грязь...

Но удара о землю не случилось.

Чьи-то сильные, горячие руки перехватили меня поперек талии, буквально выдернув из свободного падения. Я врезалась спиной в чью-то грудь — твердую, как скала. В нос ударил резкий, сводящий с ума аромат свежеобжаренного эспрессо, древесной стружки и каких-то пряных трав.

— Полегче, стеклянная принцесса, — раздался над самым ухом низкий, густой голос с отчетливой порцией иронии. — Ты его так только окончательно убьешь. И себя за-

одно.

Я резко обернулась, едва не заехав ему локтем в челюсть, и наконец-то увидела его.

Мужчина выглядел так, будто сошел с обложки журнала о крафтовых мастерах, если бы такие журналы издавали в суровом Замоскворечье. На нем был черный рабочий фартук поверх простой серой футболки, которая обтягивала широкие плечи. Рукава были закатаны, обнажая мощные предплечья, полностью покрытые татуировками: переплетения кухонных ножей, ветки розмарина и какие-то сложные чертежи. Взгляд пронзительный, цвета крепкого чая, и эта бесячая, снисходительная полуулыбка на губах.

— Отпустите меня! — я дернулась, пытаясь обрести равновесие на своем единственном целом каблуке.

— С удовольствием, — он разжал руки, и я едва не шмякнулась снова, вовремя ухватившись за борт фургона. — Ты бы хоть обувь сменила, принцесса. Твои «копыта» здесь долго не протянут. Это Замоскворечье, детка. Здесь ценят то, что сделано руками, а не то, что куплено в кредит для картинки.

Я выпрямилась, стараясь игнорировать тот факт, что мои волосы после ночи в хостеле напоминали гнездо сумасшедшей сойки. — Во-первых, я вам не «детка». Во-вторых, эти туфли стоят как всё ваше оборудование, чем бы вы тут ни занимались. И в-третьих... откуда здесь этот невозможный запах кофе?

Он усмехнулся, продемонстрировав ровные зубы. На вид ему было около тридцати пяти. От него исходила такая аура спокойной, приземленной силы, что я на секунду почувствовала себя совсем маленькой и нелепой в своем мятом шелке.

— Сам варю, — он кивнул в сторону небольшого полуподвального помещения в соседнем здании. Над дверью висела простая деревянная табличка: «Честная еда». — Там моё бистро. Пять столов, никакой микрозелени и кофе, который заставляет людей вспомнить, кто они на самом деле. А ты, я так понимаю, новая хозяйка этого ржавого недоразумения?

— Это фудтрак моей мамы, — отрезала я. — И я собираюсь его открыть.

— Удачи, — Ян — я увидела это имя на меловой доске у его входа — сложил руки на груди. — Только замок там с секретом. Его не нужно насиловать, его нужно чувствовать. Хотя... откуда у тебя чувства к железу? Ты же из этих, «эффективных менеджеров»? По лицу видно — триггеры, дедлайны, пустые калории.

— Да что вы понимаете! — я сделала шаг к нему, чувствуя, как внутри закипает праведный гнев. — Я профессиональный ресторатор! Я строила империи!

— Империи из стекла и пафоса рассыпаются первыми, — спокойно ответил он. — Твой «бренд» сейчас стоит в грязи со сломанным каблуком. Кринж, не находишь?

Я хотела ответить что-то по-настоящему злое, но в этот момент дверь фудтрака, которую я так долго мучила, вдруг

с тихим, жалобным вздохом приоткрылась сама. Словно железный «Старик» решил, что с него хватит этого позора.

— Пользуйся, — Ян кивнул на открывшуюся темноту фургона. — Но мой тебе совет на будущее: сожги эти туфли и купи нормальные кеды. Иначе Москва тебя пережует и выплюнет обратно в твои небоскребы.

Он развернулся и пошел к своему бистро, насвистывая какой-то джазовый мотив. — Грубиян! — крикнула я ему в спину. — Зато честный! — отозвался он, не оборачиваясь.

Я зашла внутрь фудтрака и закрыла за собой дверь. Внутри было тихо. Пылинки танцевали в косых лучах света. Пахло старым металлом, сухими травами и... чем-то до боли знакомым из детства.

Я начала механически разбирать коробки. Старые фартуки, чеки, салфетки с логотипом, который мама рисовала сама. Голос Яна всё еще звучал в ушах. «Стеклянная принцесса»... Он даже не представляет, на что я способна.

На самом дне последнего ящика я нашла нечто, обернутое в старую льняную салфетку. Это была толстая тетрадь в кожаном переплете. Мамин дневник рецептов.

Я открыла первую страницу. Почерк мамы — округлый, теплый. «Рецепт №1. Идеальный розмариновый хлеб. Для тех, кто потерял дорогу...»

Глаза мгновенно заполнились слезами. Я прижала тетрадь к груди, чувствуя, как по щеке катится горячая капля. В этом маленьком пространстве, среди ржавчины и пыли, я вдруг

впервые за долгое время почувствовала себя... настоящей.

Внезапно тишину двора разорвал резкий, противный звук гидравлики. Громкий рокот мощного дизеля заставил пол под моими ногами завибрировать.

Я подбежала к окну-витрине и похолодела. К воротам склада, сминая старые кусты, медленно заезжал огромный желтый эвакуатор. А за ним — черный немецкий внедорожник, который я узнала бы из миллиона других.

Из машины вышел Марк. Он выглядел идеально в своем сером пальто, с зонтом-тростью в руках. Он обвел взглядом двор с таким выражением, будто боялся, что сам воздух этого места испачкает его безупречную репутацию.

— Поднимайте эту рухлядь, — бросил он рабочим, указывая на мой фудтрак. — И сразу на свалку. Территория должна быть зачищена к вечеру.

— Стой! — я выскочила из фургона, едва не упав с подножки. — Что ты здесь делаешь?! Это моя собственность!

Марк медленно повернулся. На его лице не было ни капли раскаяния — только ледяная деловая эффективность. — О, Валерия. Ты всё-таки пришла к своему «алтарю неудач». Прости, дорогая, но я только что закрыл сделку по выкупу этого участка под застройку. Всё, что здесь находится — строительный мусор. А мусор подлежит утилизации. У тебя есть минута, чтобы забрать свои тряпки.

— Ты не посмеешь! — я загородила собой дверь фудтрака, прижимая мамину тетрадь к груди.

Тяжелая металлическая лапа эвакуатора начала медленно опускаться прямо над крышей бирюзового фургона. В этот момент дверь соседнего бистро с грохотом распахнулась. На пороге появился Ян. В одной руке он держал увесистый разводной ключ, в другой — полотенце. Его взгляд, еще недавно насмешливый, теперь потемнел и стал похож на грозовое небо.

— Слышь, костюмчик! — его голос прозвучал как удар хлыста. — Ты оглох? Дама сказала «стой». А на моей арендованной территории чужие эвакуаторы работают только тогда, когда я в хорошем настроении. А я сегодня — злой. Очень.

Глава 3. Кухонная дипломатия

Металлическая лапа эвакуатора замерла в метре от крыши «Старика». Звук гидравлики сменился натужным гулом, а потом и вовсе стих. В наступившей тишине голос Яна прозвучал как выстрел — сухой, резкий и не терпящий возражений.

Марк медленно, с достоинством, которое он оттачивал годами перед зеркалом, сложил свой зонт-трость. Он обернулся к Яну, смерив его взглядом, которым обычно одаривают надоедливое насекомое.

— Послушай, любезный, — процедил Марк, поправляя манжеты. — У меня на руках документы. Этот участок зачищается под проект. Твоё… — он кивнул на полуподвал с вывеской «Честная еда», — недоразумение, вероятно, следующее в очереди. Не мешай людям работать.

Ян не шелохнулся. Он стоял, широко расставив ноги, и разводной ключ в его руке не выглядел как инструмент — он выглядел как аргумент.

— Документы у тебя, может, и есть, костюмчик, — Ян ухмыльнулся, но глаза его оставались холодными. — Только вот мой договор аренды на прилегающую территорию, включая этот «пятачок» под навесом, зарегистрирован на пять лет вперед. И в нем черным по белому написано: никаких строительных работ без моего письменного согласия.

Так что разворачивай свою карусель и вали в свои небоскребы, пока я не вызвал полицию за порчу имущества на частной территории.

Марк на мгновение замер. Я видела, как на его шее дернулась жилка — верный признак того, что он в ярости. Он привык, что мир прогибается под его давлением, что люди — это просто цифры в таблице. А тут перед ним стоял человек, которого нельзя было купить пафосом или запугать должностью.

— Валерия, — Марк перевел взгляд на меня, игнорируя Яна. — Ты серьезно думаешь, что этот… персонаж в фартуке тебя спасет? Ты цепляешься за ржавое корыто, когда могла бы уйти с достоинством.

— Достоинство — это не то, что ты оставил мне вчера в том зале, Марк, — я сделала шаг вперед, крепче прижимая мамину тетрадь к груди. — Уходи. И убери технику.

Марк молчал несколько секунд. Потом он коротко кивнул рабочим: — Сворачивайтесь. Мы вернемся через юристов.

Он сел в машину, не оглядываясь. Черный внедорожник взревел и выкатился со двора, оставив после себя едкий запах жженой резины, тяжелый шлейф выхлопных газов и витающее в воздухе напряжение.

Я почувствовала, как ноги становятся ватными. Если бы не борт фудтрака, я бы просто сползла на землю. Ян подошел ближе, крутя в руках разводной ключ.

— Ну что, «стеклянная принцесса»? — он снова надел

свою привычную маску иронии. — Первый раунд за нами.

— Почему ты помог мне? — я подняла на него взгляд. — Ты же сам сказал, что я здесь «кринж» и инопланетянка.

Ян вздохнул, вытирая руки полотенцем. — Терпеть не могу, когда сильные ломают тех, кто и так на дне. К тому же, его парфюм воняет фальшью за километр. А я люблю честные вещи. Даже если это ржавый прицеп.

Он окинул взглядом мой фудтрак и добавил: — Но учти, я не благотворительный фонд. Твой «Старик» — это руина. Чтобы он поехал и начал кормить людей, в него нужно вваллить столько сил, сколько у тебя в этих холеных ручках никогда не было.

Я выпрямилась. Злость на Марка трансформировалась в упрямое желание доказать этому татуированному грубияну, что я чего-то стою.

— Давай заключим сделку, Ян, — мой голос прозвучал удивительно твердо. — Ты помогаешь мне привести фудтрак в чувство. Ты знаешь технику, знаешь поставщиков, знаешь этот район.

— А мне это зачем? — он прищурился. — У меня своего геморроя хватает. Моё бистро — место для своих, но аренду повышают, а я не умею в «маркетинг».

— Вот именно! — я ухватилась за эту ниточку. — Я — гений пиара. Я сделала «Gold &Truffle» главной точкой на карте Москвы. Я знаю, как сделать так, чтобы завтра у твоего подвала стояла очередь из тех, кто готов платить за «честную

еду». Я раскручу твое место. Бесплатно. В обмен на твою помощь с траком.

Ян молчал долго. Он смотрел на меня так, словно пытался разглядеть под слоем размазанной туши и мятого шелка ту самую самоуверенную «железную леди» из Сити, о которой я пыталась ему заявить.

— Ладно, — наконец сказал он, протягивая мне руку. — Но работать будем по моим правилам. Никакого пафоса. Никакой лжи. И готовься: сегодня мы ночуем здесь. Гриль сам себя не отмоет.

Ночь накрыла Замоскворечье плотным куполом. В бистро Яна было темно, только над разделочным столом горела одна лампа, выхватывая из темноты сталь ножей и грубую фактуру дерева.

Я стояла внутри фудтрака, облаченная в одну из его огромных футболок — моё платье окончательно пришло в негодность. В руках я держала скребок и бутылку со средством, которое пахло лимоном и едкой химией.

— Тщательнее, принцесса, — голос Яна донесся с улицы. Он возился в двигателе с фонариком в зубах. — Если на гриле останется хоть капля старого нагара, вкус мяса будет безнадежно испорчен. Еда не прощает халтуры.

— Я не халтурю! — отозвалась я, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Спина болела, пальцы ломило от непривычной нагрузки, но… странное дело. Мне это нравилось. Физический труд вытеснял из головы навязчивые мыс-

ли о предательстве.

Через два часа мы закончили с черновой уборкой. Ян зашел внутрь фургона, принося с собой прохладу ночного воздуха и запах металла.

— Неплохо, — он провел пальцем по чистой стальной поверхности. — Для первого раза сойдет. Ты голодна?

Мой желудок отозвался таким громким урчанием, что мы оба рассмеялись. Это был первый раз за сорок восемь часов, когда я смеялась искренне.

— Пойдем, — он кивнул в сторону бистро. — Покажу тебе, что такое настоящая еда.

На кухне Яна было жарко. Плита дышала теплом, наполняя пространство уютом. Он двигался быстро и экономно — ни одного лишнего жеста. Поставил воду, бросил в нее горсть крупной морской соли.

— Смотри, — он взял нож и кивнул мне на доску. — Резать нужно не рукой, а всем телом. Нож — продолжение пальцев.

Он подошел сзади, накрыв мою ладонь своей. Его ладонь была горячей и шершавой, со следами старых ожогов и мелких порезов. Это были руки человека, который создает реальность каждый день. По коже пробежали мурашки, и на этот раз не от холода.

— Вот так, — прошептал он мне почти в самое ухо. — Не дави. Позволь стали самой делать работу.

Мы нарезали чеснок тонкими, почти прозрачными лепец-

ками, обжарили его в золотистом масле с веточкой розмарина, которую он сорвал прямо из горшка на окне. Аромат был такой густой, что его, казалось, можно было резать ножом.

— Простая паста с томатами, — сказал он, выкладывая дымящееся блюдо на тарелку. — В Сити тебе подали бы её под соусом из пафоса, а здесь это просто жизнь.

Я взяла вилку. Первый же кусочек заставил меня зажмуриться. Вкус был честным: сладость спелых томатов, острота чеснока, хвойная нотка розмарина и крупинки соли, которые взрывались на языке.

— Это… это невероятно, — выдохнула я. — Почему в «Gold &Truffle» всё казалось пластмассовым по сравнению с этим?

— Потому что там вы продавали картинку, Лера, — Ян сел напротив, глядя на меня без тени насмешки. — А здесь мы кормим людей. Чувствуешь разницу?

Я кивнула, пробуя еще. Мы сидели в тишине, нарушаемой только тиканьем старых часов и шумом далеких машин. В этот момент я поняла, что эта ночь — мой Рубикон. Назад дороги нет.

— Пойду, проверю ящики в траке еще раз, — сказала я, когда мы закончили. — Кажется, я не всё разобрала.

Я вернулась в фургон. Фонарик в моих руках выхватывал углы. Один из нижних ящиков под кассовым аппаратом казался странно коротким. Я просунула руку за заднюю стенку и нащупала выступ.

Сердце забилось чаще. Мама любила секреты. Я нажала на выступ, и дно ящика с тихим щелчком отскочило. Внутри лежала плотная папка из синего пластика.

Я открыла её и начала пролистывать документы. Сначала это были какие-то старые лицензии, но потом… Мои глаза расширились. Это были отчеты первой компании Марка. Компании, с которой всё начиналось.

Договоры на фиктивные поставки оборудования, выписки со счетов в офшорах, о которых я никогда не слышала, и поддельные подписи инвесторов. Здесь были доказательства махинаций, с помощью которых он построил свою империю. Те самые бумаги, которые он искал все эти годы и которые, как он думал, сгорели при пожаре в их первом офисе.

Мои пальцы задрожали. Вот почему он так рвался «зачистить» этот участок. Он не просто хотел построить бизнес-центр. Он знал, что где-то здесь спрятана бомба, способная стереть его в порошок.

— Ян! — крикнула я, не узнавая собственный голос. — Ян, иди сюда! Срочно!

Я прижала папку к груди. В этот момент я почувствовала себя не «сбитым летчиком», а человеком, у которого в руках наконец-то появилось оружие. Оружие со вкусом мести и ароматом старой бумаги.

Глава 4. Точка невозврата

Металлические ставни «Старика» поднялись с таким оглушительным скрежетом, что, казалось, проснулось всё Замоскворечье, включая голубей на крышах и сонных охранников в соседних бизнес-центрах. Я зажмурилась от резкого утреннего солнца. Сегодня оно не казалось враждебным или «высветляющим недостатки», как софиты в Сити. Оно было мягким, золотистым и удивительно живым. В его лучах танцевали миллиарды пылинок, зависая над отполированным до блеска грилем, и заставляли бирюзовый борт фудтрака сиять так, будто его только что выкатили из ретро-салона, а не из-под кучи старых покрышек.

— Ну что, принцесса, готова к самому грандиозному факапу в своей карьере? — Ян облокотился на стойку снаружи, лениво покручивая в пальцах стакан обжигающего эспрессо. От него веяло утренней свежестью, табаком и той самой уверенностью, которая меня одновременно и бесила, и успокаивала. — Даю тебе бесплатный совет: если через час у нас не будет хотя бы одного чека, я лично скормлю весь твой «розмариновый пиар» местным котам. Они здесь суровые, критикуют похлеще гастро-блогеров.

Я выхватила стакан, ощущая приятное, почти болезненное тепло через тонкие бумажные стенки. На мне был тяжелый холщовый фартук, который Ян одолжил «на первое вре-

мя» — он пах деревом и какими-то специями, которые я еще не научилась различать. Волосы я завязала в тугой, небрежный узел, а на щеке, как я позже выяснила, уже красовался мазок муки — боевой раскрас после моей утренней битвы с тестом.

— Коты останутся голодными, Ян. И ты тоже. Я вчера сделала рассылку по всем своим старым контактам, задействовала два «теневых» чата и даже купила рекламу у одного очень правильного хипстера из этого района. В этом городе все дико устали от золотых стейков и официантов с лицами манекенов. Люди хотят истории, Ян. Им не хватает чего-то настоящего, что можно съесть руками и почувствовать вкус жизни, а не просто статус. А у нас этой истории — хоть отбавляй.

Первый клиент появился через десять минут. Парень на винтажном велосипеде, в наушниках и с таким выражением лица, будто он ищет смысл бытия. Он замер у фудтрака, смешно потянув носом воздух.

— Это что… чеснок и розмарин? — спросил он, недоверчиво разглядывая наши лаконичные вывески, которые я лично расписывала мелом полночи. — Пахнет как в маленькой пекарне где-нибудь в Провансе, а не в промзоне.

— Это лучший завтрак в твоей жизни, — ответила я, включая свою самую обезоруживающую улыбку, ту самую, которая раньше закрывала сделки на миллионы. — Наша фирменная лепешка с томатами, которые мы томили в мас-

ле с травами, и секретным соусом. Рецепт я нашла в архиве, который старше, чем этот склад. Попробуешь?

Ян за моей спиной негромко хмыкнул, но тут же включился в работу. Я слышала, как зашипело масло на гриле, и этот звук стал для меня стартовым выстрелом.

Следующие пять часов пронеслись как в лихорадочном тумане. Это не имело ничего общего со стерильным, вылизанным сервисом в «Gold &Truffle», где я просто величественно фланировала между столиками, проверяя, под правильным ли углом лежат серебряные вилки. Здесь была настоящая война. Жар от плиты опалял лицо, пот катился по вискам, а запах поджаренного чеснока, свежего базилика и дымка въедался в кожу, кажется, на молекулярном уровне.

— Две лепешки с сулугуни и одну с пряным мясом! Поторопись, Ян, там за окном уже очередь из пяти человек! — выкрикивала я, принимая заказы и одновременно упаковывая горячие свертки в крафтовую бумагу.

— Сделаю через три минуты! И не командуй шефом, принцесса, это портит карму блюда! — отзывался Ян.

Его движения были отточенными, скупыми и почти гипнотическими. Он не просто готовил — он словно вел диалог с продуктами. Я то и дело ловила на себе его взгляды — короткие, острые, изучающие. Он явно ждал, что «стеклянная кукла из Сити» сломается через час, запросит пощады или хотя бы начнет жаловаться на духоту и отсутствие кондиционера. Но я не собиралась сдаваться. Даже когда я случай-

но обожгла палец о край подноса, я просто стиснула зубы и продолжила улыбаться клиентам.

В какой-то момент, когда очередь растянулась уже до середины переулка, а солнце начало припекать по-настоящему, наши руки столкнулись над очередной тарелкой. Его пальцы, горячие, сильные и чуть влажные от пара, на секунду прижали мои к стальной поверхности стойки.

— Ты как? Еще не хочешь вызвать такси до ближайшего спа-салона? — тихо спросил он, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде насмешка впервые уступила место чему-то похожему на уважение.

— Я никогда не чувствовала себя более живой, Ян. Это странно, но… мне кажется, я только сейчас по-настоящему проснулась, — выдохнула я, и это была самая честная вещь, которую я произносила за последние годы.

Весь мой прежний мир с его бесконечными графиками, душными Zoom-коллами, KPI и лицемерными улыбками коллег казался теперь дешевой картонной декорацией. Здесь, в этом пыльном дворике Замоскворечья, среди шума улицы, ароматов настоящей еды и простых, голодных людей, я наконец-то дышала полной грудью. Я была не «лицом бренда», я была человеком, который делает что-то реальное.

К восьми вечера мы распродали всё. В кассовом ящике лежала пачка мятых купюр, а в холодильнике не осталось даже веточки петрушки. «Старик» стоял пустой, но чертовски гордый, а мы с Яном буквально сползли на пол бистро, не

в силах даже развязать завязки фартуков. Мои ноги гудели так, будто я прошла марафон на шпильках, но это была приятная усталость.

— Знаешь, — подал голос Ян через некоторое время, откидывая голову на кирпичную стену. — Я был о тебе гораздо худшего мнения. Думал, сбежишь, как только поймешь, что здесь нет официантов, а клиенты иногда забывают сказать «спасибо» и требуют скидку просто потому, что у них плохое настроение.

— Я тоже о себе была не самого высокого мнения, — я повернула голову к нему, чувствуя, как прядь волос выбилась из узла и щекочет щеку. — Оказывается, мука на лице и запах чеснока идут мне гораздо больше, чем пудра за десять тысяч и аромат искусственных лилий в зале ресторана.

Ян посмотрел на меня. Внимательно. Без тени привычного сарказма. Его улыбка была теплой и какой-то очень правильной. — Ладно, герой труда. Пойдем. У меня есть железная традиция. Конец удачной смены мы отмечаем на крыше. Там лучший вид на этот безумный город.

Мы забрались на плоскую, чуть вибрирующую крышу фудтрака, подложив под себя старые шершавые пледы. Вечерняя Москва в этом районе была совершенно волшебной. Шум большого города — рев моторов на Садовом, гудки и сирены — доносился сюда приглушенно, словно через слой ваты. Прохладный вечерний ветер обдувал наши разгоряченные лица, а небо над крышами старых домов окрасилось

в глубокий, бархатистый индиго.

Ян сидел совсем рядом, касаясь своим плечом моего. Я чувствовала близость его тела, исходящий от него аромат дерева, табака и какого-то острого перца — его личный запах, который теперь странным образом ассоциировался у меня с безопасностью и домом.

— Те документы… — начал он, глядя на далекие огни высотки на Котельнической. — Ты же понимаешь, что мы вскрыли ящик Пандоры? Марк тебя не просто выставил из бизнеса. Он годами заметал следы своего первого «грязного» капитала. И теперь он знает, что эта синяя папка у нас. Он не из тех, кто прощает такие находки.

— Мне плевать на Марка, Ян, — я обхватила колени руками, подставляя лицо ветру. — Пусть пробует. Сегодня я поняла, что у меня есть не только ржавый фургон и мамина тетрадь. У меня есть… — я осеклась, не решаясь произнести это вслух.

— Что именно у тебя есть, Лера? — он медленно повернулся ко мне.

Наши взгляды встретились. В его темных глазах отражались огни вечернего города, и в этой внезапно наступившей тишине между нами возникло что-то настолько осязаемое и мощное, что воздух, казалось, загустел и начал искрить. Ян протянул руку и осторожно, почти невесомо, коснулся моей щеки, кончиком пальца стирая то самое пятнышко муки. Его ладонь была горячей и шершавой, но это было самое пра-

вильное и желанное прикосновение в моей жизни.

Он медленно начал склоняться ко мне. Я затаила дыхание, чувствуя, как сердце выбивает безумную чечетку о ребра, а по коже пробегает волна жара. Еще секунда, еще один общий вдох — и всё бы окончательно изменилось, точка невозврата была пройдена на девяносто девять процентов…

Дзинь. Дзинь-дзинь.

Резкий, надрывный и какой-то неестественно громкий звук уведомления на моем телефоне разрезал тишину как скальпель. Мы оба вздрогнули и почти синхронно отпрянули друг от друга. Момент рассыпался, как карточный домик.

— Черт, — прошептала я, дрожащими пальцами доставая телефон из кармана фартука.

Экран слепил глаза россыпью уведомлений, которые сыпались одно за другим. Я читала строчки, и внутри у меня всё медленно покрывалось коркой льда. *«Внимание! Ваш личный счет в банке заблокирован на основании судебного приказа…»«Уважаемая Валерия, вам предъявлено официальное обвинение в хищении средств холдинга Gold &Truffle в особо крупном размере…»«Сумма исковых требований: 15 000 000 рублей. На ваше имущество наложен арест…»*

— Что там случилось? — Ян мгновенно подобрался, его голос стал жестким. Он видел, как я бледнею в свете экрана.

— Он это сделал, Ян, — мой голос сорвался на хрип. — Он обвинил меня в краже. Марк подал в суд по подложным документам. У меня нет доступа ни к одной копейке. Даже

к тем крохам, что я отложила на закупку продуктов для завтрашней смены.

Но это было только начало моего кошмара.

Снизу, со стороны въезда во двор, раздался пронзительный визг тормозов и хлопки дверей. Две белые машины с синими полосами и ярко-синими мигалками перегородили ворота, отрезая путь к отступлению. Из них быстро вышли люди в форме и двое в штатском.

— Ян… — я указала пальцем вниз, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота от страха.

Один из мужчин в штатском, в строгом сером костюме и с кожаной папкой в руках, направился прямиком к двери бистро «Честная еда». Его шаги гулко отдавались в тишине двора. — Гражданин Ян Соколов? — громко, на весь двор, выкрикнул он. — Поступил анонимный сигнал о многочисленных нарушениях санитарных норм и незаконном обороте подакцизных товаров в вашем заведении. Мы обязаны провести немедленную проверку и опечатать помещение до выяснения всех обстоятельств.

Я в ужасе зажала рот рукой, чувствуя, как по щекам катятся первые горячие слезы. Марк не просто решил добить меня юридически. Он решил уничтожить всё, к чему я прикасалась. Он превратил мою помощь и моё присутствие в смертельный триггер для Яна.

— Это из-за меня, — прошептала я, глядя, как люди в форме начинают бесцеремонно входить в бистро Яна. — Ян,

боже, прости меня… Я разрушила всё, что ты строил годами. Я принесла тебе только проблемы.

Ян вскочил на ноги одним слитным движением. Его лицо в сумерках превратилось в каменную маску, челюсти были сжаты так, что на скулах заиграли желваки. Но он даже не посмотрел на меня со злостью или упреком. Он смотрел вниз, на тех, кто пришел разрушить его мир, и в его взгляде была такая ярость, от которой у меня перехватило дыхание.

— Спускайся в трак и закройся изнутри, Лера, — бросил он через плечо, и в его голосе не было ни капли страха. Только ледяная, смертоносная решимость человека, которому больше нечего терять. — Сейчас начнется настоящий бой. И поверь мне, твой Марк еще не знает, с кем связался.

Глава 5. Горький шоколад

Я сидела на ледяном полу внутри фудтрака,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.